

СЕКЦИЯ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 347.51

НЕПРЕДОТВРАТИМОСТЬ ПОДЛЕЖАЩИХ ВОЗМЕЩЕНИЮ УБЫТКОВ

Авдеева Т.В., Годунов В.Н.

Белорусский государственный университет

В условиях продолжающейся интеграции и унификации современных правовых систем, предстоящая реформа гражданского законодательства Республики Беларусь во многом ориентирована на приведение отечественных правовых институтов и конструкций в соответствие с определенными стандартами, выработанными зарубежной и международной практикой регулирования частных отношений. Применительно к ответственности в форме возмещения убытков один из таких стандартов заключается в необходимости признания «непредотвратимости» причиненных правонарушением убытков в качестве предела ответственности должника перед кредитором.

Критерий «непредотвратимости» подлежащих возмещению убытков воспринят большинством современных правопорядков (Германия, Италия, Япония и др.), наиболее значимыми актами унификации международного частного права (ст. 7.4.8. Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, ст. 77 Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров; ст. III.-3:705 Модельных правил европейского частного права; ст. 4.504 Принципов европейского договорного права). Его суть заключается в том, что не исполнившая обязательство сторона не отвечает за ущерб, понесенный потерпевшей стороной, в той мере, в которой ущерб мог быть уменьшен в результате разумных действий потерпевшей стороны. Поведение потерпевшего от правонарушения кредитора, таким образом, не является безразличным для права и получает соответствующую оценку. В зарубежной доктрине существование критерия «непредотвратимости» объясняется с позиции идеи экономической справедливости, распределения риска, причинности [1, с. 65-70].

Полагаем, что рассматриваемый предел ответственности едва ли нуждается в обосновании с точки зрения разумного, добросовестного и справедливого гражданского оборота, построение которого является важнейшей целью правового регулирования. Отражением данной цели служит правило, включенное в проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь»: «при установлении и исполнении обязательства стороны обязаны действовать добросовестно, разумно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для исполнения обязательства (п. 3 ст. 288 ГК)»[8].

Критически оценивая действующую редакцию ч. 2 п. 1 ст. 375 ГК, считаем, что содержащееся в ней правило не позволяет считать «непредотвратимость» в качестве юридического предела подлежащих возмещению убытков. *Во-первых*, суд вправе, а не обязан уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, либо не принял разумных мер к их уменьшению. *Во-вторых*, поскольку юридический предел ответственности в форме возмещения убытков определяет ее объем, сама постановка вопроса об уменьшении ответственности выглядит некорректно. В той мере, в какой убытки кредитора могли быть уменьшены его разумными действиями, требование кредитора должно быть отклонено.

Отметим также, что из-за отсутствия в гражданском законодательстве норм, раскрывающих содержание обязанности кредитора по предотвращению (уменьшению) убытков от правонарушения, а также материально-правовые и процессуально-правовые аспекты учета предпринятых или не предпринятых кредитором в связи с правонарушением действий, у субъектов обязательства отсутствует четкое представление о «непредотвратимости» как о критерии, определяющем объем ответственности в форме возмещения убытков.

Ну и конечно, формирование правильного восприятия обязанности кредитора содействовать уменьшению возникающих при нарушении обязательства убытков зависит от научного обоснования природы данной обязанности.

Вопрос о целесообразности выделения в структуре обязательственного правоотношения наравне с правами кредитора и обязанностями должника определенных обязанностей кредитора («кредиторских обязанностей») является дискуссионным [3, с. 166–170; 4, с. 21–23; 5; 7, с. 56–64]. Считая такое выделение теоретически и практически оправданным (особый характер кредиторских обязанностей определяет особенности правового регулирования их исполнения и последствий их неисполнения), полагаем, что обязанность кредитора содействовать минимизации неблагоприятных последствий правонарушения, будучи проявлением общей обязанности добросовестного и разумного поведения, может быть отнесена к числу кредиторских: наличие данной обязанности не изменяет статус кредитора как управомоченной стороны в обязательстве; ее исполнение необходимо в собственном интересе кредитора, поскольку связано с осуществлением принадлежащего ему права; неисполнение кредиторской обязанности сопровождается определенными неблагоприятными последствиями для кредитора.

При этом обязанность кредитора содействовать минимизации неблагоприятных последствий правонарушения отличают некоторые особенности. *Тогда как* неисполнение «обычной» кредиторской обязанности создает препятствие для исполнения обязательства должником, и, как следствие, делает невозможным реализацию кредитором требования к должнику, нарушение рассматриваемой обязанности кредитора исключает удовлетворение его требования к

должнику не потому, что кредитор не обеспечил нормальный ход исполнения обязательства должником, а потому, что удовлетворение требования кредитора в заявленном объеме противоречит принципу добросовестного и разумного поведения. *Далее*, неисполнение кредиторской обязанности, как правило, противоречит интересам должника (будучи заинтересованным в исполнении обязательства перед кредитором, должник не может приступить к его исполнению), а потому может квалифицироваться как нарушающее интересы должника поведение (см. ст. 377 ГК), влекущее применение к кредитору определенных санкций, в том числе гражданской ответственности. В случае же неисполнения кредитором обязанности по минимизации убытков нарушение интереса должника не происходит, какие-либо санкции на кредитора не возлагаются. Напротив, неблагоприятные последствия локализируются в имущественной сфере кредитора. И только попытку кредитора реализовать свое право без соблюдения пределов, predeterminedных нарушением обсуждаемой обязанности, можно считать противоправным (т.е. совершенным против права и интереса должника) поведением в форме злоупотребления правом (ст. 9 ГК), влекущим отказ в защите права. Злоупотребление правом выражается в использовании ответственности в форме возмещения убытков не по назначению, а именно, для покрытия тех имущественных потерь, которые могли быть предотвращены или минимизированы действиями самого кредитора.

Итак, соблюдение кредитором обязанности, предусмотренной ч. 2. п. 1 ст. 375 ГК, определяет объем ответственности должника перед кредитором. Санкционное же последствие нарушения данной обязанности заключается в отказе кредитору в удовлетворении требования о возмещении убытков в том объеме, в котором убытки могли быть уменьшены или предотвращены самим кредитором.

Полагаем, что в целях формирования у кредитора четкого представления о содержании, пределах, последствиях исполнения или неисполнения обязанности содействовать минимизации неблагоприятных последствий правонарушения в законодательстве должны найти отражение следующие положения.

Обязанность кредитора содействовать уменьшению неблагоприятных последствий правонарушения возникает сразу после того, как ему стало известно о невозможности исполнения или затруднении в исполнении обязательства должником (например, должник заранее уведомил кредитора о том, что обязательство не будет исполнено в срок), и существует до тех пор, пока кредитор может оказывать влияние на возникшую ситуацию.

Кредитор обязан предпринять лишь те меры, которые являются разумными в сложившихся обстоятельствах. Основой для их оценки выступает принятый в гражданском праве «абстрактный масштаб» ожидаемого от соответствующей группы участников гражданского оборота поведения. Последний может формироваться на основе нормативных правовых актов (см., напр. ст. 368, п. 1, п. 2 ст. 494 ГК), обычаев делового оборота, определяться обычно предъявляемыми требованиями. Однако, принимая во внимание вынужденный характер положения кредитора при нарушении обязательства

должником, было бы несправедливо не учитывать особенности его конкретного положения («конкретный масштаб поведения»). Разумные меры по предотвращению (уменьшению) убытков должны быть доступными для кредитора и не создавать для него чрезмерных затруднений (например, предполагать использование имеющихся у кредитора финансовых, сырьевых, транспортных резервов, не препятствовать исполнению кредитором других обязательств). В то же время, нет оснований не учитывать особые возможности, которыми кредитор располагал, но не воспользовался для уменьшения убытков.

Разумные расходы, произведенные кредитором в целях минимизировать убытки от правонарушения, подлежат компенсации должником. Справедливость требует, чтобы разумные расходы были возмещены, независимо от того, достиг кредитор желаемого результата или нет.

Суд обязан отказать кредитору во взыскании убытков, которые могли быть предотвращены или уменьшены в результате его разумных действий, поскольку речь идет о соблюдении границы, за пределами которой убытки кредитору не возмещаются.

Отказывая кредитору в удовлетворении требования о возмещении убытков по указанному основанию, суд должен руководствоваться не степенью вины кредитора, а расчетом, из которого следует, насколько убытки кредитора могли быть уменьшены по сравнению с теми, которые были предъявлены ко взысканию. В отличие от ситуации, предусмотренной ч. 1 п. 1 ст. 375 ГК («смешанная ответственность»), умысел и неосторожность кредитора в контексте ч. 2 п. 1 ст. 375 ГК выступают не мерилем снижения ответственности должника, а условиями, при которых допускается такое снижение.

Поскольку разумность и добросовестность субъектов гражданского права предполагается (ст. 2, п. 4 ст. 9 ГК), именно должник должен доказать, что кредитор не принял разумных мер для уменьшения убытков. Вместе с тем, в литературе отсутствует единство взглядов по вопросу о распределении бремени доказывания факта «непредотвратимости» [2, с. 647; 6, с. 73–75; 11, с. 60]. Подчеркнем, существует принципиальная разница, рассматривать «непредотвратимость» в качестве обязательного элемента доказываемой кредитором причинной связи или как обстоятельство, на которое ссылается должник в целях обоснования злоупотребления кредитором принадлежащим ему правом. В первом случае доказанность кредитором факта «непредотвратимости» является условием удовлетворения заявленного им требования, во втором доказанность должником факта непринятия кредитором мер по уменьшению убытков ведет к отказу кредитору в защите права на возмещение убытков. Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» должник вправе предъявить возражения относительно размера причиненных кредитором убытков, и представить доказательства, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но не принял для этого разумных мер (ст. 404 ГК РФ) [9].

С учетом вышеизложенного, предлагается исключить часть 2 пункта 2 из ст. 375 ГК и дополнить ст. 364 ГК пунктом следующего содержания:

«Должник не несет ответственности за убытки в той мере, в какой кредитор содействовал увеличению размера убытков или не принял разумных мер к их уменьшению.

Обязанность кредитора содействовать предотвращению (уменьшению) убытков от правонарушения возникает с момента, как ему стало известно о том, что обязательство нарушено или может быть нарушено должником.

Кредитор имеет право на возмещение разумных расходов, понесенных им при попытках уменьшить ущерб.

Принятие кредитором разумных мер по предотвращению (уменьшению) убытков предполагается, пока должник не докажет обратное».

В заключение отметим, что надлежащее нормативное закрепление и использование на практике критерия «непредотвратимости» подлежащих возмещению убытков будет способствовать реализации принципа компенсации на основе разумных и справедливых начал гражданско-правового регулирования.

Список использованных источников

1. Байбак, В.В. Уменьшение убытков при нарушении договора (mitigation) / В.В. Байбак // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 7. – С. 65–80.
2. Витрянский, В.В., Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 1999. – 848 с.
3. Груздев, В.В. Гражданско-правовые возражения лица / В.В. Груздев // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 166–170.
4. Голубева, Н. Особенности реализации кредиторских обязанностей в обязательстве / Н. Голубева // Закон и жизнь. – 2013. – № 1. – С. 21–23.
5. Гурова, Э.А. Понятие кредиторских обязанностей / Э.А. Гурова // Режим доступа: <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/27963>.
6. Евтеев, В.В. Понятие «разумных мер» к уменьшению и предотвращению убытков / В.В. Евтеев // Хозяйство и право. – 2000. – № 7. – С. 73–82.
7. Кулаков, В.В. О кредиторских обязанностях / В.В. Кулаков // Вестник Тверского государственного университета. – 2013. – № 36. – С. 56–64.
8. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь: проект Закона Республики Беларусь // Режим доступа: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf.
9. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление пленума ВАС РФ от 24 марта, № 7 // Консультант Плюс: Россия. Версия Проф [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – М., 2019.

10. Павлова, О.П. О понятии вины кредитора / О.П. Павлова // Вестник ЛГУ. – 1980. – № 11. – С. 76–83.

11. Подгруша, В.В. Обстоятельства, исключаящие или уменьшающие ответственность должника: проблемные вопросы теории и практики / В. Подгруша // Юридический мир. – 2007. – № 4. – С. 56–62.

УДК 347.736:341

ПРЕЦЕДЕНТЫ ТРАНСГРАНИЧНЫХ БАНКРОТСТВ

Барышев В.А.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Самое известное в новейшей истории России банкротство – это банкротство нефтяной компании «ЮКОС», основным владельцем которой был М. Ходорковский. НК «ЮКОС» являлась одной из крупнейших нефтедобывающих компаний России по объёмам реализации продукции. В период с 1995 по 2005 год она неизменно входила в число 10 крупнейших компаний России. С момента создания в 1992 году компания «ЮКОС» контролировалась государством, но в декабре 1995 года в результате залоговых аукционов компания перешла из-под контроля государства под контроль финансовой группы «Менатеп», принадлежавшей Михаилу Ходорковскому. При приобретении «Менатепом» нефтяной компании «Юкос» её оценили в 350 млн. долларов, хотя через 8 месяцев её рыночная капитализация уже составляла около 6,2 млрд. долларов, т.е. стоимость компании выросла почти в двадцать раз, что свидетельствует о заниженной стоимости компании при переходе от государства в частную собственность. Этот пример наглядно иллюстрирует то, как возникали миллиардные состояния российских олигархов в 90-ые годы прошлого столетия. В декабре 1996 года оставшийся у государства 33,3%-й пакет акций «ЮКОСа» был выставлен на конкурсную продажу по стартовой цене \$160 млн. и приобретен компанией, подконтрольной М. Ходорковскому за 160,1 млн., что превысило стартовую цену лишь на \$100 тыс. Если капитализация всей компании составляла на тот момент 6,2 млрд. долларов, то реальная стоимость госпакета должна была составлять свыше \$ 2 млрд., что говорит о том, что при указанной сделке государственный пакет акций был приобретен частными лицами по цене в двадцать пять раз ниже реальной его стоимости.

Однако, когда М. Ходорковский, ставший богатейшим олигархом в стране с состоянием в 15 млрд. долларов, заявил о своих притязаниях на политическую власть, период «теплых отношений» между государством и НК «ЮКОС» закончился. В 2003 году против НК «ЮКОС» Министерство по налогам и сборам возбудило расследование по поводу уклонения НК «ЮКОС» от уплаты налогов в 2000-2003 годах. Общая сумма налоговых претензий с учётом штрафов и пеней за 2000-2003 годы составила 582 млрд. руб., а с учётом претензий к дочерним обществам – 703 млрд. руб. или почти 25 млрд. долл.